

Анна Кутузова

Странноведение

*Маленькая городская
сказка*

Анна Кутузова

**Странноведение. Маленькая
городская сказка**

«Издательские решения»

Кутузова А.

Странноведение. Маленькая городская сказка / А. Кутузова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968981-8

Даже родной и всю жизнь знакомый город может вдруг оказаться совсем не таким, каким вы его привыкли видеть. Обернуться другой стороной. Показать другое лицо. Заинтриговать, заинтересовать. Он играет, шутит, пугает или доверяет вам свои тайны? И думаете ли вы о том, где вы окажетесь, решив поехать незнакомым маршрутом трамвая?

ISBN 978-5-44-968981-8

© Кутузова А.
© Издательские решения

Странноведение Маленькая городская сказка

Анна Кутузова

© Анна Кутузова, 2019

ISBN 978-5-4496-8981-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***

Под ногами мягко пружинит лесная земля, сплошь заросшая тонкими стебельками травы – бледного лесного ковра-разнотравья, столь редко видящего свет, что давно уже научившегося жить и без него. Пружинит, чавкает, потрескивает.

Шаг. Шаг. Новый шаг.

А следов не остается. Примятая ногами трава снова стремится куда-то вверх и в стороны своими стебельками, снова разворачиваются бледные желтоватые листочки.

Глубокие следы сию секунду заплетает новая лесная жизнь.

И все происходит удивительно быстро, как при ускоренной перемотке. Тянутся – плетутся корни-стебли-веточки, растут листики, распускаются маленькие бутончики, опадают лепестки, наливаются ягодки. И, вдруг, по достижении той степени развития, что соответствует данному времени года, все замирает. Будто выключают ускоренную перемотку. Все. Теперь все снова растет в его собственном темпе.

А следы исчезли.

Ровно как и звуки. Все поглощает лес. Его мхи, его ковер под ногами, листва его деревьев.

Такое уж это место.

В городе – город.

В загороде – загород.

И еще не так давно в загород мало кто решался просто так войти. Отчаянные или отчаявшиеся? А много ли их таких?

Страшновато.

Толком даже не понятно, чем именно так пугает загород.

Неизвестностью, непривычностью, пожалуй.

Хотя, город этим тоже пугает.

То есть ничего необычного.

Просто не принято туда ходить.

Пожалуй, именно так.

Шаг. Шаг. Новый шаг.

Добро пожаловать!

***

Сегодня пятнистое солнце взошло над Старым мостом вовремя.

Лучи заскользили по черепичным крышам лавочек, раскинувшихся по обоим берегам. Лавочки же были и под мостом. Реки не было. Она высохла так давно, что и старожилы-то забыли, когда это было, а молодое поколение и вовсе считало, что так всегда и было – мост над лавчонками и трактирами. И хоть Торговый район города проснулся задолго до восхода, появление в небе пятнистого солнца было своего рода сигналом.

Заканчивались всевозможные приготовления, распахивались ставни, гостеприимно раскрывались двери. Торговый район был готов принимать гостей. И посреди него Старый мост в лучах пятнистого солнца, грея свои мощные булыжником бока, снова и снова привлекал взгляды жителей города. К нему привыкли, но он не приелся.

Едва только пробили совсем не в унисон, но по очереди, пять раз часы на Часовой башне, взлетавшей вверх своим шпилем и видной из любой точки низкорослого Торгового района и даже за его пределами, и на одном из сводов Старого моста; не успел еще уйти утренний туман из узких кривых улочек Низовья (так называлась та часть Торгового района, что лежала под Старым мостом), а в воздухе чувствовались уже ароматы свежесваренного кофе, щедро сдобренного целым букетом специй – такой варили только здесь – и аромат свежесдобренного хлеба.

Тут стоит сделать небольшое отступление и немного рассказать о том многоликом Городе, в котором и началась вся эта история.

Город воистину был многолик. Он, как диковинное лоскутное одеяло, весь складывался из непохожих друг на друга лоскутков-районов. Они строились в разное время и разными людьми, а потому каждый район был маленьким Городом в Городе, со своим лицом, со своей загадкой, со своим характером и со своей изюминкой.

Названия же районы носили по тем занятиям, которыми занимались местные жители: Торговый, Искусства, Науки, Строителей, Лекарей, Ремесленный, Гильдий...

И так как сегодня пятнистое солнце взошло не где-нибудь, а над Торговым районом, и так как здесь берет начало наше повествование, то стоит рассказать, что из себя представляло это место.

А выглядело оно так: улочки были узкими, вымощенными серым камнем и просто фантастически кривыми. Таких улочек нельзя было больше сыскать во всем Городе. Бесконечные повороты, изгибы, то расширения, то сужения – тот, кто это строил, очевидно, был большим оригиналом. Дома в Торговом районе были низкорослыми, в один – два этажа, но с большими добротными подвалами. Были дома под стать улочкам, на которых стояли – то есть стояли они – кто во что горазд. То фасадом, то задним входом, то боком, а то вообще углом встречали они идущего к ним гостя. И над всей этой фантазмагорией, над запутанным клубком улочек и закоулков, над серовато – коричневатыми черепичными крышами взмывала вверх стройная и необыкновенно красивая Часовая башня.

А еще здесь стоит сказать о той части района, что лежала в русле исчезнувшей реки. В то же время, когда река исчезла здесь, на границе Торгового района и района Науки вдруг просто из земли забил источник, который затем превратился в настоящую реку. Реке дали имя Новой. Ходили потом по городу шутки в духе «из-под Старого моста ушла Новая река». Подшучивали так же, что ушла река, не выдержав запутанной «географии» района (хотя она была там самой что ни на есть местной, а местные знают свой район и ориентируются в нем прекрасно).

Когда река ушла, ее русло недолго пустовало. Вскоре туда стали селиться торговцы, стали появляться лавочки и едальни. И вот эта часть района, с ее утренними сырыми туманами, не ушедшими с исчезновением реки, стала именоваться Низовьем, а та, что располагалась над ней стала Верхами. Верх, всегда светлые, всегда как бы наполненные воздухом плавно спускались по крутым бывшим берегам вниз. Граница же между Верхами и Низовьем была размытой. За границу была принята та высота берегов, дальше которой не поднимался туман и полумрак Низовья. Обозначили ее низкой – в две ладони – каменной оградой.

Низовье считалось местом обитания авантюристов и сорвиголов, людей веселых, смельчаков и лучших во всем Городе знатоков тайных троп Загорода. Так же было принято считать, что, в отличие от более богатых, более уважаемых и избалованных жизнью жителей Верхов, жители Низовья были жуликоватыми, сметливыми и весьма себе на уме. Не было ни

вражды, ни соперничества – всем есть место под теплым пятнистым солнцем. Было общепринятое мнение.

Итак, утром последнего месяца лета над Старым мотом большого многоликого Города, в пять часов утра взошло большое пятнистое солнце. Оно уже всю согревало жителей Верхов. Между тем, как в Низовье еще царил полумрак и предрассветная дымка – легкий туман. Часы на своде Старого моста, смотревшие сверху на жизнь торговцев, как обычно отставали на десять минут, а потому, когда они закончили бить, двери едальни «У Старого» уже были открыты. Правда в самой едальне было пусто, за исключением спящего за столом человека в шляпе, столь старой и видавшей виды, что уже сложно было определить, какого она цвета, материала и каких размеров когда-то были ее поля.

Из-за шляпы лица спящего не было видно.

Хозяин заведения хлопотал на кухне. Всех работников – только он да семья, надо было успеть до первых посетителей. Спящего здесь считали за своего – он не в счет.

Когда все утренние дела и заготовки были сделаны, хозяин, звали его просто Борисыч, сварил две порции кофе, сварганил два щедрых бутерброда с колбасой и вышел в зал. Человек все еще спал.

Борисыч со стуком отодвинул стул напротив спящего, шумно уселся и водрузил на стол поднос с кофе и бутербродами, стаканы жалобно звякнули в подстаканниках.

Человек не проснулся.

– Что с человеком случилось! Лебедев, имей совесть, хватит спать!

Человек по фамилии Лебедев медленно поднял голову, снял шляпу.

– Прости, Борисыч.

– Лебедев, ты чего? Ночью не спишь?

– Тут не до сна, Борисыч.

– Пей кофе, ешь бутерброды. Чего приехал в такую рань?

– Ты помнишь, когда тут проложили трамвайные пути?

– Лет двадцать назад. Не помню точно.

– Я в трамвае уснул.

– Тогда все понятно.

Что именно было понятно Борисычу, он не пояснил.

А дело было так. Весь день Лебедев куда-то бежал, бежал и опаздывал. С утра, проспав, облившись горячим кофе, не найдя чистой рубашки, он так и бегал с кофейным пятном, на что постоянно отвлекался, пытаясь как-то это замаскировать. На работу проспал, пришел с опозданием, потом сразу закрутился в делах, совсем пропал в коридорах и окончательно выдохся к вечеру. Лебедев устал.

Заварил себе чай, достал из сумки принесенные на обед бутерброды, отметив, что забыл их выложить в холодильник. Посмотрел на часы, было уже восемь вечера. Как пролетело время? Почему он так задержался? Ничего не понятно. Странный день, поскорее бы он закончился.

Перекусив, Лебедев оделся и пошел на трамвайную остановку. Вечера были уже по-осеннему свежие и прохладные.

А трамваи не торопились. В завершение суматошного и странного дня Лебедев полчаса прождал трамвай, в итоге сел не на свой маршрут. Сел на какой-то новый, такого номера он не помнил, спросил только у машиниста, в какую сторону идет трамвай. Номер он тотчас забыл. И, устроившись на жестком деревянном сиденье, тут же уснул, свесив голову.

Проснулся Лебедев сам, словно по какому-то порыву, может приснилось чего. Проснулся и не узнал местности. Прошел по трамваю к кабинке машиниста, там было пусто.

Посмотрел на часы (ну хоть часы-то он утром впопыхах не забыл) – два часа.

Ночь, на улице темень и прохлада, по ощущениям заспанного Лебедева даже и не прохлада, а холод. Впрочем, заспанным он уже не был, сон как рукой сняло. Двери были открыты, и Лебедев вышел, надо же было как-то добираться домой.

По-прежнему было непонятно, где он. Трамвай с горящими лампами, одинокая остановка с кривым фонарем и высокой каменной клумбой, в которой почему-то не росли цветы, но была пушистая чистая земля, уходящие в обе стороны поблескивающие рельсы и какие-то низкорослые дома. Естественно, окна не горели. Ночь – полночь.

– Хорошенькое дело, – сказал сам себе вслух Лебедев, чтобы как-то себя подбодрить, и еще раз огляделся.

Так, трамвай приехал с той стороны. Что там говорил машинист? Конечная, он же называл какую-то конечную. Название ее не вспоминалось, но Лебедев отчетливо помнил, что он узнал это название, это где-то в Торговом районе. Он еще отметил тогда, что это Низовье, и до Борисыча гораздо ближе, чем до его дома, стоящего на границе Низовья и Верхов. Единственный дом, стоящий прямо на каменной ограде, разделявшей две части Торгового района. Ну конечно, не на ограде буквально, но она обрывалась, уткнувшись в одну стену дома, и началась заново у противоположной.

Так, хорошо, конечная трамвая в Торговом. Садился Лебедев в районе Научном, но это явно не один, знакомый с детства, и не другой.

Пожав плечами, Лебедев пошел вдоль трамвайных путей в том направлении, куда трамвай «смотрел». Ничего лучше он придумать не смог. Утешал он себя тем, что именно сейчас он невольно имеет такую роскошь – неспешную (а куда уже торопиться?) прогулку по тихому ночному городу. Можно идти незнакомой пока дорогой, глазеть по сторонам насколько это позволяет фонарное освещение и вдыхать свежие, даже какие-то лесные, ароматы.

А действительно, почему так пахнет лесом? Или это он уже размышлял? Или до конца не проснулся?

Лебедев остановился и стал оглядываться. Пройшел он уже достаточно, трамвай давно скрылся из виду. Времени полчетвертого.

Прилично. Места вокруг по-прежнему незнакомые. И пахнет лесом. И, это он уже сейчас понял, с самого начала его ночного путешествия пахнет лесом. Серебристые трамвайные пути. Не слишком много фонарей вокруг, по левую сторону их гораздо больше, чем по правую от Лебедева. Домики с темными окнами, редкие лавочки. Все.

Буду идти и нюхать, – решил Лебедев. А пахло лесом именно с неосвещенной правой стороны.

Дождусь ближайшего фонаря и постараюсь разглядеть, что и как, может парк какой рядом.

Через какое-то время справа он увидел фонарь. Тот стоял в отдалении от трамвайных путей и при ближайшем рассмотрении оказался весьма странным. Светил он тускло, и тому были причины – толстые мутные стекла и еще одно. Фонарь был с живым огнем.

– Средневековые какое-то! – громко и вслух сказал Лебедев.

Действительно странно! И зачем он тут с живым огнем? Ведь не освещает ровным счетом ничего. Лебедев еще немного постоял под фонарем, уперев руки в бока, а потом сделал шаг за фонарь. Ну вот уже и не видно ни зги. Толку-то от такого освещения!

Сделал еще шаг в темноту. Оглянулся, вот странный фонарь, во-он нормальные электрические фонари, дома и его трамвайные пути.

Сделал третий шаг, не услышав его, очень мягко приняла каменная уличная кладка его шал. Как будто не на камень, а на землю. А сделав четвертый шаг, он уткнулся лицом в еловую лапу. Хвоя уколола щеки, пахло смолянистым елочным духом.

Лебедев несколько мгновений так и стоял, уткнувшись лицом в хвою. Именно откуда-то оттуда шла свежесть, именно оттуда порывами налетал запах леса.

Вдруг ему сделалось как-то не по себе. Без особой причины. Но он поспешил вернуться к свету электрических фонарей, старательно не оглядываясь, потому что эта жуть не проходила.

Быстро дошел до путей, пошел, почти побежал, вдоль них. И, к его огромному облегчению, увидел одиноко колесящее по черным ночным улицам такси.

Помахал рукой. Сел. Хорошо.

Таксист оказался общительным дядькой. Все говорил – говорил ему все под ряд. Про погоду, про соседа, выигравшего в лотерею велосипед, про дочь отличницу, про ремонт дороги на окраине Ремесленного района. А Лебедев сидел в оцепенении, все не мог прогнать от себя свой неожиданный страх, и все разговоры таксиста доносились до его слуха, как через толстую стену.

Как-то лихо и быстро таксист довез его до Борисыча, Лебедев расплатился, вышел и вспомнил, чтоб неплохо бы спросить у того, где же он его подобрал. Но таксист уже успел уехать.

До открытия «У старого» он просидел на лавочке рядом, рассматривая кладку старого моста. Какие же мастера раньше были. О своем приключении он решил пока не думать. Вот расскажет все Борисычу, вот тогда они вдвоем посидят и подумают обо всем.

Все эти чудесные происшествия ночи уже были изложены, щедро запиты кофе, уточнены массой вдруг всплывших в памяти деталей. Например, сейчас Лебедев вдруг отчетливо вспомнил, что номер трамвая, на котором он ехал был двузначный, что у трамвая был всего один вагон, что сиденья такси были выстелены каким-то видавшим виды ковриком сплошь в турецких огурцах (ну то есть огурцы эти в изложении Лебедева именовались затейливыми загогулинами), что у таксиста, как и у машиниста трамвая были усы, а фамилия соседа водителя, того самого, что выиграл в лотерею велосипед, была Лапин.

Это, конечно, вообще никак не помогало и не объясняло произошедшего, но добавляла приключению красок и реальности.

И вот еще, что вспомнил Лебедев, там, когда он стоял мгновение, уткнувшись лицом в еловую лапу, в запахе леса, сырости и земли был еще какой-то. Примешивался запах, как казалось Лебедеву, знакомый ему с детства, травяной. Но что это за трава, что за запах и знаком ли он на самом деле Лебедеву, точно сказать он не брался.

Борисыч долго сидел, сухо скреб подбородок, что-то сам себе прикидывал, но вывода никакого не сделал.

Бывает, мол. Нет, ну не то, чтобы бывает со многими или хоть с кем-то из его, Борисыча, знакомых! Но ведь все равно, чего только ни бывает. В какой это книге было, что случай один на миллион выпадает в девяти случаях из десяти? Да и ладно. Чудеса, конечно. И ничего подобного он не видел и не слышал.

Но все это было сказано так скучно и без энтузиазма, что Лебедев, для которого эта ночь была ошеломляющей настолько, что он уже переставал ее воспринимать как что-то реальное и имевшее место быть, поутих, сник и закруглил этот разговор.

Немного еще поговорили о погоде, о том о сем. Борисыч тоже уже слышал о ремонте дороги на окраине Ремесленного. Только, кажется, не дороги, в том смысле, что автомобильной, а старой пешеходной, мощеной булыжником «тыщу лет назад».

Лебедев в это уже особо не вслушивался, оживляя в памяти происшествия ночи и немного рассеянно периодически кивая Борисычу.

В общем, не пошел разговор.

Выйдя из едальни «У старого», Лебедев решил прогуляться немного прежде, чем идти домой. Сегодня был выходной, спешить было некуда.

Солнце припекало, день стоял погожий. И сейчас он уже готов был начать думать совсем, как Борисыч. Ну в самом деле, чего только ни случается, мало ли что случается. Может и вовсе показалось.

Хотя, бред конечно, ничего не показалось.

На всякий случай Лебедев решил изучить все трамвайные маршруты Города. Их не должно было быть очень уж много, так он рассуждал. Зато среди них легко можно будет отсеять те трамваи, которые не идут через Торговый район и район Науки, затем еще раз отсеять лишние, оставив только маршруты с двузначным номером. И все. И посмотреть, что это такое было ночью, и где. Парк что ли в самом деле? Ну или что-то похожее на парк.

Нашупав в кармане жетон на телефон-автомат (надо же как кстати, и не понятно, когда и зачем куплен), Лебедев нашел свободную телефонную будку, чтобы не откладывать в долгий ящик этот вопрос.

Жетон, звякнул не прощанье, упал в прорезь, в трубке послышался хруст. Лебедев набрал номер единой городской справочной. Ответили сразу же. Правда, на этом везение закончилось. На вопрос, где можно получить схему трамвайных маршрутов города (ну в самом деле, не в книжном же магазине), Лебедеву суровый женский бас ответил, что такую информацию он нигде не получит. Извините. До свиданья.

Интересно, это еще почему, – возмутился про себя Лебедев.

Так идея разобраться во всех этих трамваях, усатых водителях, лесных запахах, странных несовременных фонарях и всем прочем загадочном и непонятном стала делом принципа.

Лебедев решил для начала зайти домой, переодеться, освежиться и отправиться в трамвайное депо Торгового района. Уж его-то местонахождение он отлично знал, благо ездил мимо него дважды в день по дороге на работу и с работы.

Дома было все, как всегда, тихо, немного пыльно, на подоконнике цвела хилая герань в треснувшем горшке, кот, как обычно, пропадал день-деньской на улице.

Душ был принят, кофе сварен и выпит, герань полита. На кис-кис в окно никто не отозвался, потому кота заботой Лебедев обошел.

Сам он уже выходил из дома, переодетый в чистую, без кофейного пятна, рубашку, и мстительно и азартно думал, что назло басовитой тетке из справочной он все-таки раздобудет и схему трамваев, и найдет нужный. Пусть ему даже придется обойти все трамвайные депо пешком, сколько бы их ни было! Вот так.

Депо №4, в которое держал путь Лебедев, располагалось за внушительным забором высотой в человеческий рост. На железных воротах с облупившейся серой краской висела табличка «Трамвайное депо №4. Посторонним вход строго воспрещен!»

– Надо же, не просто воспрещен, а строго воспрещен! – слух подумал Лебедев.

Тут ворота скрипуче приоткрылись, и из-за них выглянул сторож. Старый, сухонький, весь какой-то уютный, как в детских сказках, старичок. За ним же показалась траченная молью дворняга.

– Граф, – пояснил Сторож, не глядя кивая в сторону дворняги, – свире-екая зверюга!

Зверюга зевнула, присела в тень и клацнула зубами, отгоняя муху.

Сторож явно скучал и рад был поговорить. Конечно, объяснил он Лебедеву, не просто воспрещен, а именно что строго воспрещен, потому как объект особой городской важности, а тут ходят всякие. На слове «всякие» он строго посмотрел Лебедеву в глаза. Правда потом скомкал строгий вид, присел рядом с Графом, закурил самокрутку (Граф чихнул) и жестом пригласил присесть и Лебедева.

Садитесь, садитесь, солнце вон как печет, а тут в теньке ничего, и тротуар теплый все равно, хоть и тень.

Лебедев сел, а старик между тем уже рассказывал ему сразу и обо всем. Объект особой важности, да. Охрана нужна постоянная и серьезная, вон он-то сам уже лет десять тут сторо-

жем, если не больше. И всякое бывало. И подросткам от нечего делать залезть надо. А кто и на спор. А один раз даже вагоны угнать хотели – вот наглость!

А еще, когда он тут только устроился сюда сторожем, то это депо было не просто №4, как сейчас, но какое-то важное, главное, на четыре района – этот, Торговый, потом еще Науки, Строителей и почему-то Ремесленный, хотя он отсюда далековато будет и не граничит с этими тремя. Потом приезжало какое-то начальство, смотрело, решало, заседало, потом реорганизовали их, стало быть.

Лебедев слушал, кивал, угукал, пытаясь сообразить, полезна ли ему эта информация, и может ли ему помочь сторож со схемой движения трамваев. Держат тут его, наверное, уже по старой традиции, он тут уже неотъемлемая часть э-э обстановки. Такой сторож уже вряд ли кого-то испугает в случае чего.

За всеми своими мыслями Лебедев не сразу заметил, что сторож замолчал и теперь внимательно его разглядывал.

– А вы, молодой человек, чего пришли-то? На работу что ли устраиваться? Так нет сегодня никого, выходной.

Лебедев ответил, что нет, он не ищет здесь работу, работа у него уже есть, но его интересует, можно ли здесь найти и посмотреть схему маршрутов этого депо, а то в справочной ему почему-то отказали.

– Ну так ясное дело отказали, это же объект особой важности, – сторож строго погрозил пальцем, помолчал. Потом снова закурил еще одну самокрутку и поинтересовался, а зачем это Лебедеву понадобились трамвайные маршруты.

Лебедев, думая про себя, что это просто дичь какая-то, возвели тайны мадридского двора вокруг обыкновенных вещей (как ему как пассажиру разобраться во всем?), ответил в том духе, что вот давеча он ехал незнакомым маршрутом, номер его забыл, но этот маршрут оказался таким уж удобным, что очень теперь хочется узнать его номер.

Получается, что и правды всей не сказал и не соврал совсем, подумал про себя Лебедев и порадовался своей такой простой житейской находчивости.

Сторожа это объяснение вполне удовлетворило, но он вынужден был огорчить Лебедева, потому что схемы нет. С тех пор, как была реорганизация, ну ты помнишь, я говорил тебе, с тех пор и не разглашают, со стен снимали. Вон, какие дела теперь. Но помочь тут можно, отчего же нельзя. Не зря же он тут столько времени работает, все помнит. И если ничего не поменяли в последнее время, то сейчас они живенько опознают этот трамвай. Давай, называй остановки, где садился и сходил, и говори, где ехал, что помнишь.

Тут Лебедев сокрушенно признался, что посадку он свою помнит, это было в Науки, остановка «Непредельных углеводов» (Сторож тут же обрадовался – хорошо, что Непредельных, были бы это Предельные – там восемь маршрутов останавливаются, и половина сейчас не наших – не этого депо. А на Непредельных – четыре маршрута, все наши, это же 4, 4А, 27 и 24).

А дальше Лебедев не помнил, он спал, когда проснулся – ничего вокруг не узнал. Конечно, названной машинистом, он не помнил. Потом долго шел. А потом таксист его в три минуты домчал до Низовья, прям до Старого моста. Про парк и фонарь Лебедев пока умолчал.

– Ну а башню-то вы видели? С какой стороны башня была? – спросил Сторож.

– Темно было, говорю же. Ночью дело было, – Лебедев уже думал, что затея его ни к чему не приведет.

– Да уж. Ну а остановку вы помните, где сошли? Может хоть что-то вокруг? И чего вы сошли среди ночи незнамо где?

Вопрос был логичным. Что тут ответить – остановка, как остановка. Небольшая будка, маленькая лавочка, кривой фонарь. Электрический. И клумба. Без цветов, но земля хорошая, чистая. Домики вокруг небольшие. Рельсы все время прямо, без поворотов, но остановка

на горке. А почему вышел ночью, Лебедев промолчал. Вышел и вышел. Не сказал он и о том, что машинист куда-то пропал.

Сторож думал. Прямой отрезок пути, ну в смысле без поворотов. Ходит ночью, даже после полуночи. Таких маршрутов нет почти. Ходит через районы Науки, Торговый и еще незнамо где.

Задача!

Сторож подумал еще немного и, покачав головой, сказал, что ничем тут помочь не может. Не может он ничего похожего вспомнить. Не их депо этот трамвай, и не похоже, чтоб соседних, он бы узнал. Хотя, может новые какие маршруты пустили, может он просто не в курсе.

Говорить больше было не о чем, Лебедев извинился и засобирился. Сторож тоже извинился, что не помог, и пригласил заходить по выходным поговорить, время скоротать.

Лебедев думал, что его утренний план нужно доработать. Эдак он ничего не узнает. Было почему-то после разговора ему немного грустно. Он обернулся. Сторож и Граф стояли в воротах и смотрели ему в след.

Лебедев решил, что обязательно заглянет сюда еще раз, ему сейчас было щемяще жаль одинокого и скучающего Сторожа.

Чтобы отогнать от себя эту нахлынувшую печаль, Лебедев решил еще раз взвесить все факты.

После крайне странного дня ночью он, поехав, неизвестным маршрутом, оказался неизвестно где при таинственных обстоятельствах. Это раз.

По дороге в неизвестном направлении, предположительно в сторону дома, он столкнулся с чем-то загадочным и испугавшим его. Этот парк с его сырым лесным запахом притягивал мысли Лебедева снова и снова. Это два.

Все это происходило вблизи, как оказалось, от Низовья, от Борисыча. Это три.

Борисыч, правда, совершенно не заинтересовался, что было не похоже на него. Это Лебедева огорчало. Но на факт номер четыре это не тянуло.

А тянуло на четвертый факт то обстоятельство, что самостоятельно и быстро узнать ночной маршрут не удалось. Как вдруг оказалось, все, что касается трамваев и путей их следования, окутано плотным туманом. Строго воспрещено.

Одинокий Сторож и его свирепая зверюга Граф стали фактом пятым.

Было ощущение, что во всей этой цепочке уже есть и шестой пункт, и седьмой, и, может быть, даже восьмой, но они пока не оформились.

Размышляя, взвешивая и прислушиваясь к своим ощущениям, Лебедев дошел до дома. Под входную дверь был засунут сложенный вдвое листок. Записка. От Борисыча.

«Сегодня у нас посетители говорили разное. Ты бы съездил и посмотрел сам ремонт в Ремесленном.»

Борисыч, как всегда, был краток. Лебедев прикинул, его друг абы что говорить и советовать не станет, не в его привычках. Да и до вечера как раз можно обернуться до Ремесленного и обратно, разузнать там все и посмотреть. Даже и к Борисычу, может быть, удастся заскочить ненадолго.

Трамвай тряс, грохал и иногда звенел. Куда конкретно нужно ехать, подсказали заголовки газетных статей в магазинчике напротив дома. Теперь, сделав две пересадки, Лебедев трясся в стареньком трамвайчике неведь куда, на окраину Ремесленного, на край Города, к городской стене.

Машинист по громкоговорителю объявил остановку, «Кустарей», и предупредил, что тротуар рядом на ремонте, нужно быть аккуратными.

Лебедев сошел, походя вспомнив рассказ Сторожа о том, что раньше этот маршрут был в ведомстве их депо.

Сошел, оглянулся и не поверил своим глазам.

Трамвай, звякнув на прощанье, уже скрылся за поворотом, а Лебедев все стоял, ошеломленный.

Он был на той самой остановке, на которой очутился прошедшей ночью. То, что это была именно она, а не какая-то очень похожая, он нисколько не сомневался. Вокруг все сейчас было иначе, но это была она! И все было и то же, что и ночью, и совсем не то.

Да и днем все выглядело по-другому. Горки, на которой бы стояла остановка, не было, зато за ней пути давали крутой вираж. Так, что трамвай уже через мгновение скрывался за выросшим здесь же за утро выцветшим желтым зданием, на вид брошенным совершенно.

Остановка – крохотная будка, выложенная из желтого кирпича; на ветру трепещут отрывные листочки с номером телефона – объявление; согнутый фонарь, как будто кто-то в него врезался, светит, не смотря на еще яркое солнце; клумба – белый горшок с голубой каемочкой, чистая рыхлая ровная земля без комков, без цветов и сорняков.

Лебедев какое-то время потоптался вокруг остановки, прочитал объявление. Написано было от руки мелким нервным почерком «найдена собака», несколько раз был написан номер телефона нашедшего. Листок с номером никто ни разу не оторвал.

И что бы это могло значить? Вопросы уже начинали роиться в голове Лебедева. А он в этот момент даже не мог понять, что толком чувствует. Все в нем было и пусто, и переполнено его приключением, и азартно, и даже страшновато. В самом деле, почему здесь все не так? Почему за утро все поменялось? Или наоборот, все сейчас так, как и было всегда, а ночью все было не так. Понятно, почему отсюда не видно Часовой башни. А, ну да, ночью он бы ее все равно не увидел. Сейчас Лебедев это позабыл.

И совершенно непонятно, как трамвай, который каким-то витиеватым маршрутом идет из района Науки в Торговый (и наоборот), оказался на другом конце Города. Это что ж за маршрут такой?

Вопросов много. Ответов ни одного.

Ну ничего, решил Лебедев, в котором сейчас победил азарт, это пока ни одного, найдем ответы.

Сейчас Лебедев решил пройтись вдоль путей. Отчасти повторить ночной маршрут. Отчасти – потому что уж больно много различий.

Он, необъяснимо для самого себя, зачем-то оторвал листок с номером телефона с объявления о найденной собаке без примет и пошел вдоль путей.

Сейчас, если идти по ходу следования трамвая, по левую руку стояли дома и лавочки, сплошь аккуратные и низкорослые – это совпадало. Так же по левую руку в некотором отдалении ровной полосой стояли высокие электрические фонари. По правую руку совпадений не было. Справа вдоль трамвайных путей вился узкий тротуар, сейчас наполовину разобранный (камни лежали аккуратными кучками здесь же). За ним, правее, кое где торчали деревца. Туи что ли. И все. Дальше шла городская стена. Толстая, надежная, старая, как сам Город.

И пахло сейчас разогретыми за день на солнце камнями, пылью и какой-то железнодорожной (другого определения Лебедев придумать не мог) смазкой. Запахи были хорошими, родными, теплыми и совершенно летними.

Но в них не было места запаху леса, этому смещению влажной земли, растущей и отмирающей зелени, смолы деревьев, хвои.

Появись сейчас хоть нотка, хоть намек на этот запах, это было бы чужим здесь – в разомлевшем городском вечере.

Лебедев шел, не узнавал мест. Домики сменялись точными их близнецами. Фонари стояли ровным строем. Кое где на деревьях, если вдруг попадались лиственные, уже начинали желтеть листья, напоминая о том, что лето не вечно.

Справа по-прежнему все было ограничено стеной.

Разобранный тротуар не давал никакой возможности идти по всем правилам движения, а потому Лебедев шел между рельсов, оглядываясь, посматривая, не приближается ли трамвай. Несколько раз он отходил на разоренный тротуар, потом снова возвращался на пути.

Пройдя несколько остановок, он устал, окончательно убедился, что здесь ему больше ничего не светит – рельсы сворачивали от городской стены в Город, он решил дождаться первого же трамвая и поехать домой.

До дома он ехал долго, с пересадками по подсказкам машинистов. На его вопрос, нет ли здесь поблизости парков, машинисты только пожимали плечами.

Добравшись до дома, Лебедев рухнул без сил в постель, не расстилая ее, и моментально уснул. Спал он без снов.

Когда он проснулся, солнце уже давно поднялось. И, как и вчера, оно поднялось над Торговым районом. Туман Низовья уже ушел. Новый день уже шумел и суетился. Кот так и не пришел.

Лебедев с удовольствием ленился, решив не торопиться вставать с постели и поваляться хотя бы еще полчаса.

Однако, именно в тот момент, когда Лебедев это решил, в прихожей зазвонил телефон.

Пришлось вставать и идти отвечать.

Звонил Борисыч.

Поздоровались. Обменялись парой дежурных фраз о погоде, о приближении осени.

– Ну что, ездил на ремонт смотреть?

– Ездил вчера к вечеру.

– И как?

– Никак. Точнее, я не понимаю, как. А что я должен был там увидеть? Почему ты меня туда отправил?

– Да болтали всякое. Подумал, может быть тебе будет интересно посмотреть самому.

– А интересно было.

Тут Лебедев рассказал про остановку, что это она, та самая, на которой он сошел из пустого трамвая. Про то, что в остальном все и похоже, и не похоже.

– И нет там никакого парка, – заканчивал он, – И, ты понимаешь, когда я на елку эту наткнулся лицом, у меня было такое ощущение, что там, за ней, как сказать, ну как бесконечность что ли. Как будто там дремучий лес, там этих елок, сосен тьма. Запах такой был. А на деле там редкие туи какие-то и стена! И все! Ни деревьев, ни бесконечности, ни даже чудного того фонаря.

– Угу, угу, – Борисыч казалось, о чем-то размышлял.

– А все-таки, о чем болтали твои посетители? Почему ты отправил меня в Ремесленный?

– Чтоб ты своими глазами посмотрел на ремонт. А ты говоришь, ремонт – как ремонт. Кладку разобрали и не слишком торопятся собирать.

– Ну да.

– А ремонт, со слов вчерашних гостей, затеяли потому что там, рядом со стеной сначала тротуарные камни просто повело, вздыбились. А потом там корни появились.

– Какие корни? – не понял Лебедев.

– Деревьев. Это они пробились из земли, камни раздвинулись. Гости говорили между собой, но я жесты их видел. От большого дерева – по жестам выходило.

– О как. Дерево значит. Не было там ничего. Ни дерева, ни веток, ни пней, ни опилок. И корней тоже не было.

– Да там и не откуда. Там стена. А за стеной дорога. И ни парков там, ни посадок нет.

– Странно.

– Странно, – подтвердил Борисыч.

– Борисыч, а все-таки ночью я был именно там.

Оба немного помолчали. Потом Лебедев рассказал о своем посещении трамвайного депо, про Сторожа и Графа.

Попрошались в задумчивости. Борисыч обещал собирать все городские сплетни и взял с Лебедева обещание не ходить по ночам по Ремесленному, ясно же, что ничего там нет.

А потом целый месяц ничего не происходило. Точнее текла обыкновенная жизнь. Незаметно пришла осень. По утрам заметно холодало. Лебедев работал, пару раз в неделю ходил к Борисычу в надежде на какие-нибудь новости. Новостей не было. В Ремесленном заново уложили камни тротуара. В Новой реке выловили какую-то диковинную рыбу, теперь Институт Водных Ресурсов, Городской Исследовательский Центр, Гильдия Рыболовного Хозяйства и все детские кружки юных натуралистов с удовольствием изучали, обсуждали и спорили об этой находке.

В депо Лебедев за этот месяц не сходил ни разу. Он ругал себя за это всячески, собирався же захаивать, а сам...

Наконец, он решил, что нельзя откладывать и дальше, купил яблок и какой-то торт с обилием масляных розочек и листиков и отправился «в гости».

Сторож Лебедева сразу узнал, обрадовался. Даже Граф, казалось, тоже обрадовался Лебедеву. Тот аж растрогался и еще раз укорил себя за то, что так долго не мог найти время и навестить эту парочку.

Обрадованный Сторож даже разрешил Лебедеву зайти на территорию депо, правда не дальше его комнатухи – проходной. Да дальше и идти особо некуда было. Пустынная территория, рельсы, пара будок – ремонтные, подсобные сооружения, ангар (гараж, как это вообще называется) для трамваев и еще раз рельсы. И ни души в этот час.

Так они и сидели в сторожке, пили чай, говорили ни о чем. Сторож покуривал свои самокрутки, пуская белый дым, Граф грыз огромную старую и облезлую, пугающую своим видом, кость.

Сторож снова много вспоминал, Лебедев все больше слушал. А потом как-то само собой получилось, что Лебедев рассказал свое летнее ночное приключение. Уже без утаек, как это было в первый раз.

Сторож не удивился. Ну чего-то такого он на самом деле и ожидал. Давно, мол, он ждал чего-то такого, жалко только, что Лебедев сразу не рассказал.

В глазах Лебедева Сторож сразу оформился в загадочного персонажа, связанного со всеми мировыми тайнами и легендами.

А загадочный Сторож сказал, надолго задумавшись, только одно слово «Загород» и снова замолчал.

– Загород? – переспросил Лебедев.

– Конечно. А что же еще, если не Загород?

Сторож произнес это слово с большой буквы.

Лебедев еще раз спросил про Загород, уточнив, при чем здесь он. О Загороде никто ничего толком сказать не может, им даже попугивают детей, когда те не хотят слушаться.

Но здесь, сейчас и с Лебедевым!

Какой тут может быть Загород?

Сторож с азартом замахал на Лебедева руками. Так, что аж Граф оторвался от своей жуткой кости и стал следить за движениями Сторожа.

Как это, причем тут Загород? Да вы вдумайтесь, молодой человек! Вот вы, все ваши знакомые! Живете и ничегошеньки не знаете. Ничегошеньки, – веско повторил для солидности Сторож.

Лебедев, правда, вмешался, сказав, что ну отчего же ничегошеньки, есть некоторые, утверждающие, что посещали и посещают Загород. Да, их немного, но они есть, они могут порассказать про этот самый Загород много историй.

– Которых почему-то никто не рассказывает, – ехидно вставил Сторож.

Потом он помолчал и стал уже спокойно объяснять. Поймите, молодой человек, да почти никто из этих, якобы бывших и не раз в Загороде, на самом деле там не был. А может быть, и вовсе ни один из них. На самом деле есть, наверное, те, кто сталкивался лицом к лицу с Загородом. Но они предпочитают об этом не распространяться.

Лебедев сделал предположение, уж не сам ли Сторож один из тех, кто на самом деле был в Загороде.

Нет, сокрушенно покачал головой Сторож. Сам не был, хотя в свое время очень стремился.

Я, знаете ли, молодой человек, тоже когда-то вот совсем как вы узнал, что в Городе есть что-то еще. Был моложе, сильнее, смелее, я сразу этим заинтересовался. Я почти так же, как и вы, однажды столкнулся с Загородом. После этого долго пытался понять, что это, рыл, искал, мотался по Городу, но в итоге ничего конкретного.

Там слухи, сям слухи. Где-то кто-то что-то слышал, как где-то кто-то что-то видел. И в итоге я оказался здесь, в трамвайном депо.

У Лебедева раскрылся от изумления рот. Депо???

Да-да, закивал Сторож, в этом самом трамвайном Депо. У меня ведь тоже была история с трамваем. Я изучил все маршруты. Пешком прошел по каждому из них. И – ничего. Ничего даже отдаленно похожего на подсказку в этой загадке.

Но сейчас вам несказанно повезло. Я ведь с тех пор ничего не слышал о появлении Загорода. Сам не нашел ничегошеньки, а вот так никто ничего не приносил весточкой.

А то, что эти все, якобы Загородные следопыты – фигляры и вралы, это было мне всегда ясно.

Загород... он не впускает абы кого, того, кто потом на всех углах будет об этом трезвонить. Но вам, вам повезло! Повторяюсь, несказанно просто! Вам мало того, что показался Загород, он еще и подсказку вам дал! Показал то место, где был, где вы его застали врасплох. Ну или он вас.

Да, Лебедев, сейчас и сам начал чувствовать, что эта тайна (Загород ли в самом деле?) не станет даваться всем и каждому, кто потом оповестит об этом весь Город. Какая же это тогда тайна?

– А как у вас было? – поинтересовался Лебедев.

– А было так. У меня тоже была ночь, – Сторож вспоминал, мечтательно глядя в потолок, со свистом втягивая дым самокрутки, – был дождь, я возвращался с чудесного дня Рождения одного своего приятеля. Как на зло не было ни одного трамвая. А возвращаться к приятелю я не хотел, как обычно боялся – надо ж, столько прождал, вот сейчас уйду, и обязательно покажется трамвай! Вечный закон подлости. Я мок на остановке уже очень долго, ругал себя, ругал дождь, который становился все сильнее, ругал уже вообще все и вся. И как-то сам не заметил, как к остановке подъехал трамвай.

Лил такой дождь, я так продрог, я был так зол, что запрыгнул в него, даже не посмотрев на номер! Да мне уже и все равно было, честное слово!

– И что, тоже заснули? – не выдержал и перебил рассказ Лебедев.

– Нет, не заснул. Ехал, смотрел в окно, чтоб не пропустить свою остановку. Ну не свою, а какую-нибудь, откуда дойду потом нормально до дома. Почему-то не догадался спросить машиниста. Смотрел, а дождь был такой, что вообще ничего не видно. Ну и показалось, что вот она – моя. Вроде огни знакомые в трамвайном окне мелькнули. Я быстро выбежал на остановку, трамвай тут же ушел. А я сразу понял, что остановка не моя, что я вообще не понимаю, где я оказался. И тоже, как вы, пошел вдоль путей. Просто мокнуть на остановке я не захотел.

Пошел, дождь потихоньку стих, меня это приободрило. Там, где я шел, фонарей практически не было. Редко – редко стоял где-то случайный. Я видел рельсы, видел черные здания,

этого мне было достаточно. Но постепенно стало все же страшновато – где я вообще иду, куда. И тут я увидел свет фонаря, обрадовался. Дойду, думаю, осмотрюсь. А повезет – может где и название улицы разгляжу. Дошел до фонаря. А тот старинный. Огонь живой. Стекла толстые, мутные, неровные. (Лебедев аж заерзал на стуле). Под фонарем была лавка. Я тогда устал совершенно. Сел на лавку эту прикинуть, что теперь. Света мало было, но все же лучше, чем ничего. Сижу, значит, думаю, не дожидаться ли тут и утра. Куда идти-то – непонятно.

И тут из-за спины моей подул ветер. Недолго дул, но был такой ледяной, морозный, что я моментально продрог. А еще на меня как будто с ветки дерева кто-то стряхнул хор-рошую порцию снега. Снега! Снега весной! Я подскочил, стал оглядываться. Ничего! Фонарь, лавка и я!

Я быстро убежал оттуда куда глаза глядят. И, как и вы, в два счета добежал до знакомого мне места.

Сторож немного помолчал. Промочил горло остывшим чаем и добавил:

– А добежал я до дома того самого приятеля, у которого гулял на дне Рожденья. Разбудил его, конечно. Объяснить ничего не смог. Попросился переночевать. Вот, как это было у меня, молодой человек.

Оба какое-то время молчали. Сторож снова вспоминал, Лебедев тоже вспоминал, думал, пытался анализировать и сделать хоть какие-то внятные выводы. Но тщетно.

– Вообще-то, – наконец он подал голос, – сейчас все это сильно похоже на синхронное помешательство.

– Да, похоже, – согласился Сторож, – но это не помешательство. Это точно. Это другое. Это Загород.

– Загород, Загород. Что такое вообще этот Загород? Что мы о нем знаем? Что мы можем о нем знать? И откуда у вас уверенность в том, что это он?

– Ну знаем немного, положим, но кое-что все-таки нам известно. Давайте только сразу отделять домыслы от фактов.

Начали они с фактов. И их было не особенно много. То, что Загород является тайной, покрытой мраком, знали все. Такая особая Терра Инкогнита. Городская Терра Инкогнита. Потому что без Города Загорода как бы не существовало. По крайней мере для жителей Города.

В разных источниках понятие «Загород» практически не встречалось. Не беря в расчет публицистику и периодику, Загород больше, конечно, фигурировал в романах. Особенно стоило отметить романы фантастические – вот уж, где можно было черпать сколько угодно и самой разной информации. Только была она выдумана, не проверена, противоречива. Романы! Что с них взять?

В народе, конечно же, ходило много легенд. О том, что за Городской стеной сплошь Загород (неправда, проверяли). О том, что Загорода нет (как знать, чего не знаешь). Представляли Загород чем-то вроде загробного мира, куда можно попасть, только навсегда оставив мир этот. Загородом пугали детей (не будешь слушаться, отправлю в Загород!)

Те, кто утверждали, что были там, конечно, всяческими фактами подтверждали подлинность своих историй. Иллюстрировали их яркими деталями и подробностями.

Обсуждая и вспоминая все, когда-либо услышанное, увиденное, касающееся Загорода, Лебедев и Сторож, как ни старались, одних фактов придерживаться не смогли. В итоге, нагородив кучу малу небылиц, они поняли, что нормальных твердых и ясных знаний нет. Ни у кого. Единственное, что хоть немного тянуло на правду, была небольшая статья из газеты тридцатилетней давности, бережно хранимая Сторожем.

Он вытащил ее из внутреннего кармана куртки, сложенную вчетверо, спрятанную в небольшой блокнот, и протянул Лебедеву со словами «есть тут у меня вырезочка, наткнулся, когда искал ответы». По виду вырезанной статьи можно было понять, что перечитывал и разворачивал Сторож этот газетный листочек много раз.

В заметке говорилось о том, что в Торговом районе, в Верхих при строительстве нового здания (ныне это была небольшая лавочка, торгующая всевозможными товарами для рукоделия) был зафиксирован загадочный случай.

Для стройки огородили довольно внушительный участок, завезли туда какие-то стройматериалы, подвезли экскаватор, даже начали понемногу рыть котлован для фундамента. Ночью, естественно, работы не велись. В совершенно обычное утро, придя на стройку, рабочие обнаружили всю стройплощадку занятой болотом. Собственно, стройплощадки они не обнаружили. Было самое настоящее болото. С камышами, кое где пузырящейся водой, ряской, шаткими холмиками земли, торчащими полусгнившими стволами деревьев. С запахом болота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.